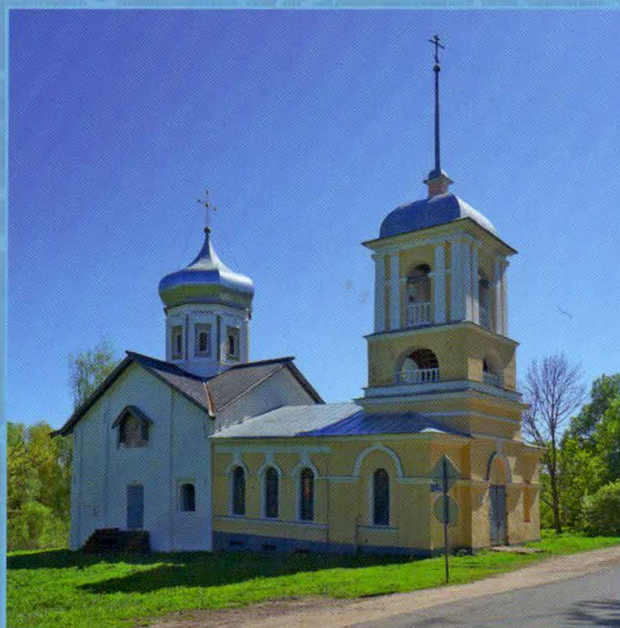


МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

ВЫПУСК VII



АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРА РОССИИ:
«ЮГРА – ВОЛОСТЬ
НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО
В XI–XV ВВ.»

(СВОД ИСТОЧНИКОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ)

ЧАСТЬ I

ДЕПАРТАМЕНТ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ. ЮГОРСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири
Выпуск VII

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРА РОССИИ:
«ЮГРА – ВОЛОСТЬ
НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО В XI–XV ВВ.»

(свод источников и исследований)

ЧАСТЬ I

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
Г. СУРГУТ, 1-5 ОКТЯБРЯ 2018 Г.

Сургут – Нефтеюганск – Екатеринбург
2018

Е. В. Пчёлов¹

¹ Историко-архивный институт РГГУ
ул. Никольская, д. 15, г. Москва, 103012, Россия
E-mail: evg-pchelov@yandex.ru

Югорский титул и Югорский герб в истории Московского царства и Российской империи¹

Аннотация. В статье рассмотрена история обозначения «Югорский» в титуле русских царей и императоров, а также история Югорского герба. Наименование «Югорский» впервые появилось в титуле Ивана III в 1484 г. и было связано с походом московских воевод на Югру в 1483 г. Это наименование заняло место в завершающей части территориального титула, наряду с титульными объектами «Вятский» и «Пермский». Впоследствии их композиционная связь сохранялась, маркируя крайние северо-восточные области Русского государства, но в связи с процессом пополнения титула новыми объективными обозначениями наименование «Югорский» оказалось в первой части царского титула, среди других наиболее ранних по времени появления наименований. Титульный элемент «Югорский» продолжал сохраняться и в титуле российских императоров. Печать Югорская впервые зафиксирована среди других титульных печатей на Большой печати Ивана Грозного конца 1570-х гг. Здесь Югорскую землю символизирует белка. Следующий вариант югорской эмблемы (герба) появился после большого перерыва только в 1672 г., в «Царском титулярнике». Это изображение имело такой важный элемент, как выходящая из облаков рука. Подобная фигура являлась дополнением и к другим титульным гербам «Титулярника», что, вероятно, могло иметь христианский подтекст. Такой смысл, в частности, вкладывался в символику Югорского герба и в геральдических виршах конца XVII в.

Ключевые слова: титул, герб, эмблема, Югорская земля.

Титул «Югорский», означавший власть русских государей над землями Югры, населенными обскими уграми, а точнее остяками (ханты), входил в состав территориальной части титула московского царя (а затем и российского императора). Великокняжеский, царский титул прошел длительную эволюцию [об этом см.: Пчёлов, 2010. – С. 3–15]. Его территориальная (или объектная) часть начала формироваться еще в середине XV в., однако ее непрерывную историю можно проследить только со времени Ивана III, с первой половины 1470-х гг. Наименование «Югорский (Югорьский)», как показала М. Агоштон, впервые зафиксировано в числе других титульных объектов в 1484 г. в грамоте Ивана III в Кафу, к Захарю Скарье (таманскому князю Заккарии Гизольфи), от 14 марта того года (Прил. 1). Грамота, впрочем, не была вручена адресату по причине его отсутствия в Кафе и привезена назад [Агоштон, 2005. – С. 241]. Здесь территориальный титул состоит из семи наименований, причем титул «Югорский» занимает пятое место, следуя сразу после Новгорода и Пскова и перед

¹ Работа подготовлена в рамках НИР «Символика власти Московского царства и Российской империи» по гос. заданию № 33.7198.2017/8.9"

Вяткой и Пермью: «Божиею милостию, великий осподарь Русские земли, великий князь Иван Васильевич, царь всеа Руси, Володимерьский и Московский и Новгородский и Псковский и Югорьский и Вятский и Пермьский и иных» [*Сборник РИО. Т. 41. № 10. – С. 41*]. Ясно, что объектные обозначения конкретизировали понятие «всеа Руси», называя наиболее важные части владений великого московского князя.

Появление в титуле наименования «Югорский», как можно думать, было связано с походом на Югру («на вугулич и на угру, на Обь великую реку») московских воевод князя Федора Курбского Чёрного и Ивана Ивановича Салтыкова Травина, который состоялся летом 1483 г. Тогда «князей югорских воивали и в полон повели» [*ПСРЛ, 37, 1982. – С. 49; ср. с. 95*]. Это событие и дало основание включить наименование «Югорский» в состав территориального титула московского государя [*Агоштон, 2005. – С. 296*]. Интересно его местоположение в общей композиции. После главных обозначений «Владимирский» и «Московский» в титуле следуют наименования северных земель Руси – Новгорода, затем Пскова, в свое время обособившегося от Новгородского государства, потом других бывших новгородских владений (в том числе и Югры, эпизодически платившей Новгороду дань). При этом вначале идет обозначение как бы более статусного объекта (Псков), находящегося на северо-западе, а затем остальных – находящихся на северо-востоке. Собственно таковых объектов три – Югра, Вятка и Пермь. Территориально эти земли располагались по отношению к Москве по удаленности следующим образом: Югра на «крайнем» северо-востоке, затем ближе к центру Пермь и южнее Перми Вятка. Таким образом, Югра являлась самым отдаленным регионом, куда простиралась власть московского государя (в то время, разумеется, еще во многом номинально, но символическое значение тех или иных «присоединений» было гораздо более значимым, чем фактическое). Однако она занимала первое место среди этой северо-восточной триады, по-видимому, в связи с тем, что считалась сферой новгородского влияния на востоке, а по символическому статусу уступала, конечно, место Пскову. Эта триада – Югорский, Вятский, Пермский – сохранялась в титуле (с некоторыми изменениями) и в дальнейшем.

В 1487 г. место между «Псковским» и «Югорским» в титуле заняло наименование «Тверский», а с 1490 г. после «Пермского» добавился еще один элемент – «Болгарский» [*Агоштон, 2005. – С. 242–243*]. Таким образом, объектный титул стал состоять из девяти наименований. «Югорский» при этом оказался в триаде со «Псковским» и «Тверским», как бы «оторвавшись» от близких ему «Вятского» и «Пермского». Эта тернарная структура объектного титула стала его парадигмой на будущее – с этого времени расположение объектов в титуле стремилось к троичности, хотя, конечно, далеко не всегда этот принцип проводился абсолютно последовательно. На оттиске известной печати Ивана III с двуглавым орлом, скрепляющей грамоту от июля 1497 г., титул «Югорский» передан как «Угорский». Такое наименование стало вариантом первоначального обозначения «Югорский», периодически присутствующим в источниках. М. Агоштон обратила внимание на то, что достаточно статусное местоположение этого объекта в титуле (шестое в титуле 1490 г.) «отчасти объясняется аспектами русской внешней политики в Восточной Европе и вопросом международного престижа великого князя московского», ведь это наименование соответствовало не только обской Югре, но и Венгрии, жителей которой также называли уграми [*Агоштон, 2005. – С. 296–297*]. Сигизмунд Герберштейн, описывая «княжества Московии», отмечал, что русские произносят название Югры «с придыханием: juhra [и народ называют югричами] (имеется в виду взрывной звук г в этом слове). Это та Югра, из которой некогда вышли венгры и заняли Паннонию [и под предводительством Атиллы покорили много стран Европы]. Московиты весьма похваляются этим именем, так как их-де подданные некогда опустошили большую часть Европы. ...Говорят, что югра и до сих пор имеет общий с венграми язык...» [*Герберштейн, 1988. – С. 163*]. Этот факт, по словам имперского посла, служил русским дипломатам для обоснования прав московского великого князя на польско-литовское государство. По-видимому, вариативность написания также могла иметь отношение к представлениям о тождестве Югры и угров (венгров).

В 1514 г. Василий III осуществил настоящую «реформу» великокняжеского титула [*Агоштон, 2008. – С. 82*]. Территориальный титул был разбит на две части (вернее, была добавлена вторая часть,

после слов «Болгарский и иных»), а в первой части (куда относился и эпитет «Югорский») произошли новые изменения. Перед «Тверским» появился новый элемент «Смоленский», что было связано, конечно, со взятием Смоленска во время войны с Литвой. «Югорский», таким образом, стал седьмым компонентом. А «Вятский» и «Пермский» поменялись местами – теперь «Пермский» следовал сразу за «Югорским», а «Вятский» после «Пермского» и перед «Болгарским». Такая инверсия, возможно, отвечала более четкому географическому расположению заключительных элементов первой части титула с севера на юг – Югра, Пермь, Вятка, Поволжье (земли Казанского царства) – в общем направлении от периферии к центру. Важно отметить, что перед территориальными наименованиями первой части были добавлены слова «великий князь» (они же вкупе с титулом «господарь» предваряли и вторую часть объектного титула).

Впоследствии титул «Югорский» отходил на все более и более дальнее место, поскольку в первую часть объектного титула добавлялись новые более статусные объекты («Царь Казанский», «Царь Астраханский» и т. д.), но всегда сохранял положение рядом со следующими за ним определениями «Пермский», «Вятский» и «Болгарский» в первой части территориального титула, тем самым продолжая древнюю традицию, начало которой относится еще к концу XV в.

Обратимся к эмблематической визуализации этого титула. Первым памятником русской территориальной геральдики можно считать Большую печать Ивана Грозного, создание которой датируется исследователями концом 1570-х гг. (до 1578 г.) [Хорошкевич, 1997. – С. 189–191]. На обеих сторонах этой печати помещены изображения титульных эмблем («печатей»), в том числе и печать Югорская (рис. 2). В общей композиции эмблем на лицевой стороне печати эта печать занимает место, соответствующее положению этого определения в объектной части царского титула (сам полный титул также представлен в легенде на печати). На Югорской печати изображен пушной зверь, стоящий на задних лапах, с поднятым пушистым хвостом. Вряд ли можно сомневаться, что это белка – один из важных объектов охотничьего промысла лесной полосы и традиционный объект сбора дани. Появление этой эмблемы в качестве югорской вписывается в общий контекст других титульных эмблем печати Ивана Грозного – значительная их часть связана с животными, по-видимому символизирующими местную природу или промыслы, или предметами вооружения (использовавшимися в том числе и для охоты). Сопряжение Югорской земли с распространенностью там белки известно и по другим древнерусским памятникам. Так, в Ипатьевской летописи под 1114 г. говорится о том, что, по рассказам ходивших «за Югру и за Самоядь», «яко видивше сами на полуночных странах спаде туча и в той тучи спаде веверица млада акы топерво рожена и възрастьши и расходится по земли». Точно так же из туч рождаются и «оленци малы» [ПСРЛ, 2, 1998. – Стб. 277]. Итак, именно белка стала первым эмблематическим образом, символизовавшим Югорскую землю.

В начале XVII в. изображение лицевой стороны печати Ивана Грозного было дважды повторено на доспехах Лжедмитрия I, хранящихся ныне в коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Петербурге [о самих доспехах см.: Ефимов, 2012. – С. 364–373]. Здесь еще четче можно рассмотреть югорского зверя, имеющего явные признаки белки (рис. 3). Известно использование Большой печати Ивана Грозного его мнимым сыном, стремившимся подчеркнуть тем самым свою легитимность.

При первых Романовых на протяжении XVII в. было создано еще несколько предметов, несущих комплекс титульных эмблем (для периода Московского царства я употребляю слова «герб» и «эмблема» как взаимозаменяемые, поскольку само явление «герба» еще только формировалось). Их, первоначальный в историографии, перечень (всего 4 позиции, включая печать Ивана Грозного) представил еще А. Б. Лакиер [Лакиер, 1990. – С. 177–178; 1-е изд. – СПб., 1855]. К этим памятникам можно прибавить еще несколько, в том числе и ранее не учитывавшихся в историографии. В общей сложности после доспеха Лжедмитрия I и до конца XVII в. выявлено 9 изобразительных источников. Это: 1. Садачный покровец Большого наряда (который А. Б. Лакиер ошибочно считал завесой трона), возможно сделанный в конце 1620-х гг.; 2. Второй садачный покровец, который можно датировать, по-видимому, периодом между 1634 и 1654 гг.; 3. Гербовное знамя царя Алексея Михайловича, 1666–1678 гг.; 4. Садак, 1667 г.; 5. «Царский Титулярник», 1672 г.; 6. Садак мастера

Прокофия Андреева, 1673 г.; 7. Тарелка мастера Юрия Фробоса, 1675 г.; 8. Тарелка, 1694 г.; 9. Изображение «государственной печати» из «Дневника путешествия в Московию» И. Корба, 1698–1699 гг., на самом деле представляющее собой перерисовку не печати, а какого-то другого источника (рис. 3) [Пчелов, 2017. – С. 107–108]. Надо отметить, что во всех этих комплексах, за исключением Титулярника и рисунка И. Корба, Югорского герба нет. Это тем более удивительно, что эмблемы титульных обозначений, которые располагались в титуле после упоминания Югры, на всех из них присутствуют. Так, на саадачном покровце Большого наряда есть эмблемы Пермская, Вятская, Болгарская, Нижегородская, Рязанская и Ростовская; на втором саадачном покровце – Пермская, Вятская, Нижегородская и Рязанская; на саадаке 1667 г. – Пермская и Рязанская; на саадаке 1673 г. – так же; на тарели 1675 г. – Пермская, Вятская, Болгарская, Нижегородская и еще целый ряд других; на тарели 1694 г. – Пермская. Все эти наименования стояли в титуле после упоминания в нем Югорской земли. Отсутствие Югорской эмблемы не позволяет нам проследить ее эволюцию (если таковая была), и поэтому следующим памятником, где она присутствует, оказывается только Царский титулярник, созданный в Посольском приказе в 1672 г. (рис. 4).

Именно в Титулярнике Югорская эмблема изображена в своем «законченном» варианте [РГАДА. – Ф. 135. Отд. V. Рубр. III. № 7. Л. 59]. Она представляет собой изображение двух рук в красных одеяниях, выходящих из облаков напротив друг друга. Руки сжимают перекрещенные копья. При этом на копьях у наконечников изображены сутаны (бунчуки), по-видимому, для того, чтобы подчеркнуть, что это именно копья, а не, к примеру, стрелы. В уменьшенном варианте Титулярника, сделанном в том же 1672 г. и хранящемся ныне в Российской национальной библиотеке (т. н. Библиотечный Титулярник), Югорская эмблема изображена точно так же (рис. 5) [РНБ. Эрмитажное собр., № 440. – Л. 54]. В древнерусском тексте, известном как «Описание гербам» и датирующемся временем создания Титулярника, Югорский герб описан как «Две руки из облак держат копья накрест» [Белоброва, 2005. – С. 86]. Его геральдическое цветовое решение известно с первой половины XVIII в. – поле щита было серебряным (на миниатюрах из Титулярников оно действительно белое, что соответствует геральдическому серебру).

Как видим, Югорский герб был создан заново. Никакой связи между новыми эмблемами (руки с копьями) и старой (белка) нет. Почему же она стала именно такой? Ответить на этот вопрос не представляется возможным. Мы вообще не знаем, по каким принципам составлялись новые титульные гербы и что они означали. Очевидно только, что их композиции (в отличие от титульных эмблем на печати Ивана Грозного) носили в целом вполне геральдический характер. Иными словами, можно думать, что составлялись они с учетом европейской геральдической традиции, о которой (применительно к территориальной геральдике) на Руси XVII в. имели представление в силу дипломатических контактов с западными странами. Мне уже приходилось отмечать соответствия ряда русских титульных гербов с земельными гербами европейских монархий – в значительной степени это относится к Шведскому королевству (грамоты от шведских королей с земельными гербами были известны русским дипломатам) [Пчелов, 2009. – С. 300–303]. Возможно, какие-то геральдические мотивы европейских земельных гербов могли оказать влияние при создании титульных гербов Московского царства. Такие соответствия, кстати, прослеживаются в гербах северных земель (в том числе в Кондинском гербе). Возможно, и Югорский герб не был здесь исключением. Композиционно он, к примеру, напоминает шведский герб Далекарлии (Даларны), в котором в лазуревом поле помещены две стрелы крест-накрест под короной (перекрещенные стрелы вообще нередкий элемент в шведской титульной и территориальной геральдике). Однако в Югорском гербе мы видим не стрелы, а копья, причем копья держат руки, выходящие из облаков.

Этот мотив – выходящей из облаков руки – встречается в русских титульных гербах XVII в. еще дважды. Это герб Псковский (рука из облаков над идущим барсом) и Вятский (рука из облаков, держащая лук со стрелой). Сложно сказать, насколько можно соотносить этот мотив с божественной семантикой (божье благословение и т. п.), однако определенное эмблематическое единство в данном случае несомненно. В Титулярнике 1672 г. Югорский герб объединен на одном листе с гербами Волынским и Подольским (оба они имеют чисто европейское происхождение и заимствованы из польско-литовской

геральдики). В Библиотечном Титулярнике Югорская эмблема находится на одной странице с Пермской. О восприятии Югорского герба в конце XVII в. (неофициальном, разумеется) могут в какой-то степени дать представление геральдические вирши, написанные на рубеже 1670–1680-х гг. неким носителем славянской культуры Великого княжества Литовского, возможно виленским шляхтичем Стахеем Ивановичем Гадзаловским, служившим переводчиком в Посольском приказе [см.: Nilsson, 1964]. В них упоминается и Югорский герб:

Оружіе острое устрояется к бою,
крестъ же с[вя]тый клонить до покою.
Брань и миръ с зодиаков высокого н[е]ба
людей вооружаетъ якъ творцу потреба.

Аллегорія

Добръ знак кн[я]зей игорских сильной планеты
от мудрых людей усмотрен щасливимы лѣты
зодіак мужественный Х[ри]с[т]а творца знати,
за кр[е]сть и вѣру себѣ н[е]бо отворяти.

Анаграмма

Дивен гербъ твой, игорско, котрый здавна маешь,
что со дреколми на Б[о]га руку поднѣмаешь.
Южъ былъ Х[ристо]съ на кр[е]стѣ и бокъ му пробито,
не требѣ пробождати течеть кров обфито.

Аналогумъ

Црез брани до покою Беллона в[к]азуетъ
земным, неб[е]сному же сама услугуетъ.
Твой гербъ, Игорско, облак рукама касаетъ,
да кропитъ правду и миръ ус[е]рдно желаетъ.

Это описание, как и практически все подобные описания в виршах, имеет очевидный религиозный, христианский подтекст. Копье сопоставляется и с копьем сотника Лонгина, и с небесным оружием, и с победой веры. Но само описание вызывает вопросы. Во-первых, в нем настойчиво упоминается крест, в Югорской эмблеме отсутствующий (он имеется в эмблеме вятской), а во-вторых, все время говорится о Зодиаке, следы которого (как и сопоставление, по-видимому, с планетой Марс) также в Югорском гербе не прослеживаются. Собственно, облако, рука и копье – вот три элемента герба, каждый из которых также упомянут в виршах. Конечно, эти вирши нельзя считать официальным пониманием Югорского герба. Но как бы то ни было, такие христианские коннотации в его восприятии были, как видим, возможны. Рискованным все-таки было бы предположить отражение в этом гербе идеи христианизации Югры.

В период Российской империи Югорский герб оставался в числе титульных гербов, связанных с императорским титулом. В этом качестве он входил в композиции Больших гербов Империи, включая и последний вариант Большого герба, который был утвержден при Александре III в 1882 г. (рис. 6). Официальное описание Югорского герба выглядело следующим образом: «Две в червленой одежде руки, выходящие справа и слева из лазуревых облаков и держащие крестообразно два червленых копья» в серебряном поле [Лукомский, Типольт, 1996. – С. 57]. Как видим, цветовое решение герба практически осталось неизменным (на рисунке в Титулярнике копья действительно были красноватыми).

Создававший Большой герб Империи барон Б. В. Кёне поместил Югорский герб в «Щит соединенных гербов Княжеств и Областей Великороссийских», в котором он занял четвертое место после тверского герба и перед нижегородским. Интересно, что пермский, вятский и болгарский гербы Кёне отнес к другому щиту – соединенных гербов Северо-Восточных областей империи (в который вошли также гербы кондинский и обдорский). Удорский же герб также был отнесен Кёне к щиту гербов Великороссийских. Чем был обусловлен такой выбор, сказать сложно, но, как бы то ни было, Югорский герб оставался в числе титульных гербов вплоть до 1917 г.

Встречается он и в геральдических композициях титульных гербов на различных мемориальных и исторических сооружениях: на памятнике Александру II в Московском Кремле среди титульных гербов «тех исторических областей и земель, имен которых нет в современном административном делении России» [*Памятник императору Александру II в Московском Кремле.* – С. 18, 26] – монумент был построен в 1893–1898 гг. А в росписи парадных сеней Государственного Исторического музея, осуществленной в начале 1880-х гг. артелью под руководством художника Фомы Гавриловича Торопова, Югорский герб представлен почему-то в усеченном виде. Это выходящая из облаков одна рука с копьём, причем правая (со стороны герба).

Список источников и литературы

Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики. – М., 2005.

Агоштон М. Титул русского государя в свете информации Герберштейна // Герберштейн С. Записки о Московии. – Т. 2. – М., 2008. – С. 73–87.

Белоброва О. А. О древнерусском «Описании гербам» конца XVII в. // Гербовед. – № 85. – М., 2005. – С. 81–88.
Герберштейн С. Записки о Московии. – М.: МГУ, 1988. – 430 с.

Ефимов С. В. Холодная красота. Доспехи великих европейских оружейников XVI века в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Война и оружие: Новые исследования и материалы: Тр. Третьей Междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 2012. – Ч. 1. – С. 363–396.

Полное собрание русских летописей. – Т. II. Ипатьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 1105 с.

Корень Российских государей (Царский титулярник). – РНБ. ОР. Ф. 885. Эрм. № 440.

Лакиер А. Б. Русская геральдика. – М.: Книга, 1990. – 432 с.

Лукомский В. К., Типольт Н. А. Русская геральдика. – М.: ГПИБ, 1996. – 97 с.

Памятник императору Александру II в Московском Кремле. – М., 2017.

Сборник Императорского Русского Исторического Общества. – Т. 41: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 3. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих Князей Иоанна III и Василия Иоанновича. – Ч. 1 (годы с 1474 по 1505). – СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. – 10, XXII. – 558 с.

Пчёллов Е. В. Скандинавская геральдика в территориальной символике России XVI–XVII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания: Материалы XXI Междунар. науч. конф. – М., 2009. – С. 300–303.

Пчёллов Е. В. Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования // Российская история. – № 1. – 2010. – С. 3–15.

Пчёллов Е. В. Источники по титульной геральдике допетровской Руси // Древняя Русь: вопросы медиевистики. – № 3 (69), сент. – 2017. – С. 107–108.

«Титулярник» («Большая государственная книга»). – РГАДА. Ф. 135. Отд. V. Рубр. III. № 7.

Полное собрание русских летописей. – Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. – Л.: Наука, 1982. – 228 с.

Хорошкевич А. Л. Герб // Герб и флаг России. X–XX века. – М.: Юрид. лит., 1997.

Nilsson N. A. Russian heraldic virsi from the 17th century. A manuscript in the diocesan and county library at Västerås, Sweden. Stockholm, Göteborg, Uppsala, [1964] (Acta Universitatis Stockholmiensis, etudes de philol. slave; 10).